

Стахеев Дмитрий Иванович

Собрание сочинений

Том 11

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Д53

Д53 **Дмитрий Иванович С.**
Собрание сочинений: Том 11 / Стахеев Дмитрий Иванович – М.: Книга по Требованию,
2023. – 375 с.

ISBN 978-5-519-75387-6

ISBN 978-5-519-75387-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

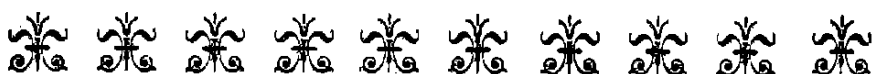
Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ТОРЖЕСТВО ПРАВОСУДІЯ

РОМАНЪ

I.

— Если ты не хочешь слушать добрыхъ словъ, то я тебѣ наконецъ приказываю! Слышишь, приказываю! Ты не имѣешь права не исполнить приказанія отца!.. Слышишь, Яковъ?

Такъ поучалъ своего родного сына Петръ Ивановичъ Дачужниковъ, послѣшно шагая изъ угла въ уголъ по комнатѣ и сильно размахивая руками. Средняго роста, сѣдой, съ лысиной по всю голову, онъ былъ теперь красенъ, и его бойкіе черные глаза сверкали гнѣвомъ. Однако же, несмотря на такое явно-гнѣвное состояніе духа Петра Ивановича, сынъ его, Яковъ Петровичъ, оставался невозмутимо-спокойнымъ и продолжалъ пощипывать свою темно-русую бородку, сдержанно и едва замѣтно улыбаясь.

— Не серди меня, Яковъ, слышишь?—грозилъ Петръ Ивановичъ,—не серди, поѣдемъ, говорю...

— Я не поѣду,—лѣниво отвѣтилъ сынъ.

— Ты долженъ ѣхать!

— Нѣтъ!

— Хорошо. Благодарю покорно.

Съ этими словами Петръ Ивановичъ торопливо ушелъ въ свою комнату и плотно прихлопнулъ за собою дверь. Сынъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и принялся крутить свою папирску, да такъ при этомъ задумчиво нахмурился, точно Богъ ищетъ въ какія соображенія углубился.

Оба они, и отецъ и сынъ, были старинные друзья

и больше одного раза въ сутки не ссорились. Рѣдко, рѣдко когда два раза въ одинъ и тотъ-же день пошумятъ. Вѣрнѣе говоря, это были даже не ссоры, а только испышки одного Петра Ивановича, за то самъ-же онъ потомъ и извинялся передъ сыномъ. Жили они вдвоемъ. Петръ Ивановичъ былъ вдовъ, лѣтъ тридцать служилъ въ какомъ-то ученомъ архивѣ и застылъ въ чинѣ статскаго совѣтника. Его товарищи давнымъ давно дослужились до тайныхъ и дѣйствительныхъ тайныхъ, увѣшались орденами и обзавелись казенными квартирами съ шеститысячными жалованьями, а онъ занималъ все одну и ту же должность, какъ-будто ему, по какому-то особому тайному повелѣнію, запрещено было давать жалованье свыше ста рублей въ мѣсяцъ. Яковъ Петровичъ, какъ видно, тоже обѣщалъ застыть въ медико-хирургической академіи, о чемъ можно было предположить изъ того, что, окончивъ курсъ съ званіемъ доктора медицины, онъ не искалъ частной практики и проводилъ цѣлые дни въ академической препаровочной, копаясь въ трупахъ. Его товарищи точно такъ-же, какъ и товарищи его отца, спѣшили дѣлать карьеру, высматривали и проноживали гдѣ бы лучше пристроиться; они ухаживали за академическими тузами, кланялись имъ съ занскивающими улыбочками и унижались до того, что застегивали пышные полы саней какого-нибудь Z, когда онъ, нагнувъ на уши соболѣю шапку, ныхтя и сопя, усаживался въ сани, отправляясь домой послѣ лекціи. Яковъ Петровичъ долго не замѣчалъ, какъ извиваются передъ крупнымъ медицинскимъ тузомъ разные мелкіе пройдохи, и пренаивно считалъ этого туза безкорыстнымъ рыцаремъ, готовымъ положить за науку свою жизнь, ничуть не подозревая, что безкорыстный рыцарь давно уже залѣзъ въ большіе чины и владѣетъ горами процентныхъ бумагъ. Бывало, въ первые годы знакомства съ медицинскимъ міромъ, онъ съ увлеченіемъ заглядывалъ отцу о необыкновенныхъ нравственныхъ достоинствахъ какого-нибудь NN; но Петръ Ивановичъ, въ отвѣтъ

на его горячим заявленіи, молча покашливалъ и сопѣлъ носомъ. Потомъ пришло такое время, когда и самъ Яковъ Петровичъ сталъ покашливать и сопѣть носомъ при разговорѣ о «человѣческихъ доблестяхъ». Жили они на Выборгской, гдѣ-то въ глухомъ переулкѣ, имѣли общую квартиру во дворѣ, всего въ три комнаты, довольно впрочемъ просторныя, еслибы только можно было привести ихъ въ порядокъ и освободить отъ книгъ, разложенныхъ не только по шкапамъ и столамъ, но и по стульямъ, и даже на полу. Въ кабинетѣ Петра Ивановича было нѣсколько старинныхъ гравюръ съ картинъ Рафаэля и Корреджіо; нѣсколько изящныхъ вещицъ на письменномъ столѣ, — прессъ-панье, наприѣръ, въ видѣ ангела славы съ широко размахнутыми крыльями; хрустальная чернильница въ видѣ куба, поддерживаемая тремя мускулистыми арабами. Въ комнатѣ Якова Петровича не было ничего подобнаго: на столѣ, занятомъ книгами и анатомическими атласами, лежало два-три черепа съ оскаленными зубами и черными впадинами вмѣсто глазъ и носовъ. На окнахъ склянки съ препаратами въ спирту; на полкахъ, на стульяхъ и на полу — книги.

Въ описываемый день, — праздничный, именно воскресный, — оба, отецъ и сынъ, съ утра никуда не выходили и могли спорить сколько угодно, для чего въ другіе дни не всегда представлялось свободное время, такъ какъ оба уходили изъ квартиры послѣ утренняго чая и иногда не возвращались до поздняго вечера. Предметомъ спора въ настоящемъ случаѣ была поѣздка къ дядѣ — родному брату Петра Ивановича, — куда Яковъ Петровичъ ѣздитъ всегда съ неудовольствіемъ, и теперь отказывался отъ поѣздки, вызывая своимъ упорствомъ сердитые упреки отца. Петръ Ивановичъ все еще, какъ видно, не терялъ надежды уговорить сына ѣхать къ дядѣ. Онъ, черезъ нѣсколько времени послѣ описанной размолвки, снова вышелъ изъ своего уединенія, на этотъ разъ уже не гнѣвный, а кроткій и извиняющійся.

— Ты, братъ Яковъ, не сердись,—заговорилъ онъ,—я дѣйствительно, братъ, горячъ и не скрываю этого.

— Знаю.

— Поѣдемъ, братъ, пожалуйста. Ей Богу, вѣдь необходимо.

— Опять за то же!—улыбнулся сынъ.

— Ну, какъ-же не сердиться на тебя, когда ты такой глупый! Подумай самъ: родной дядя, больной человѣкъ, зоветъ и дозваться не можетъ!

— Да зачѣмъ? Пора бы ему, кажется, знать, что у него туберкулёзъ въ послѣдней степени. Какая-же теперь возможна помощь? Пусть лучше приготовляетъ завѣщаніе. Будетъ съ него, пожилъ. Да и что за бѣда такая: ну, умретъ завтра, послѣзавтра, черезъ мѣсяцъ наконецъ — не все-ли равно? Человѣкъ для того и родится, чтобы умереть.

— Дуракъ ты, я тебѣ скажу, вотъ что! гнѣвно перебилъ Петръ Ивановичъ; — вспомни-ка, когда ты былъ у него?

— Я и вспоминать не хочу, очень нужно! Хотя-бы сто лѣтъ не былъ, не все-ли равно? Между нами ничего нѣтъ общаго: онъ богатый баринъ, въ нѣкоторомъ родѣ вельможа, и притомъ дѣлецъ, финансистъ, а я, какъ знаете, соприкасаюсь только съ царствомъ мертвыхъ, и для меня онъ можетъ представлять интересъ лишь какъ будущій трупъ, не болѣе.

— Чортъ знаетъ, что ты городишь! — перебилъ Петръ Ивановичъ.

— Да вы-то съ чего такъ часто и такъ настойчиво стали послѣднее время приглашать меня къ дядѣ? Ужъ не корыстолюбіе-ли вами овладѣваетъ, родитель? Не рассчитываете-ли вы, въ виду предстоящей смерти брата, получить какую-либо мзду отъ его щедротъ, ха, ха?

— Ты, братъ, знай край, да не падай, — хмурясь, возразилъ Петръ Ивановичъ; — я, братъ, такихъ шутокъ не люблю. вотъ что, да! Ты думаешь, что я

просто и на дружеской съ тобой ногѣ, такъ мнѣ можно чортъ знаетъ что говорить? Нѣтъ, ошибаешься!

— Ну, извините, родитель, мало-ли что скажется въ шутку.

— Хорошо, хорошо, довольно.

Яковъ Петровичъ видѣлъ, что отецъ сердится и сталъ мало-по-малу сдаваться. Онъ согласился наконецъ съѣздить еще разъ къ дядѣ (это ужъ, конечно, въ послѣдній, мысленно рѣшилъ онъ) и просидѣть тамъ болѣе или менѣе приличное время.

Они вышли въ маленькую темную переднюю. Старушка низенькая и тощая, съ значительнымъ обиліемъ морщинъ на желтомъ лицѣ, но еще довольно бодрая, заслыша ихъ шаги, растворила дверь изъ кухни, и свѣтъ отъ маленькой жестяной лампочки, висѣвшей тамъ на стѣнѣ, упалъ блестящей полосой въ переднюю.

— Чай пить развѣ не будето?—изумленно спросила она, выходя къ нимъ съ чулкомъ.

— Не будемъ, мать, не будемъ. Распивай чай одна. Ъдемъ, мать, далеко,—весело отвѣчалъ Петръ Ивановичъ, низко наклонившись надъ глубокими войлочными калошами.

Сынъ накинута на плечи патное пальто и сверхъ него пледъ, а Петръ Ивановичъ что-то долго копался, надѣвая енотовую шубу, застегивался, поправлялъ воротникъ, ощущивалъ, въ карманѣ-ли платокъ, вообще медлилъ.

— Эхъ, какъ вы копаются!—насмѣшливо замѣтилъ сынъ.

— Каково, а, Матвѣевна, слышишь-ли, что говорить?—обратился Петръ Ивановичъ къ старухѣ,—хорошо? Отцу-то?

— Охъ, ужъ и не говорите, такой зубастый сталъ. Давно-ли, кажись, въ гимназію бѣгалъ клопъ, не выше травы; а теперь рукой не достанешь.

— Давно-ли!—весело перебилъ Яковъ Петровичъ:—десять лѣтъ почти прошло, а она—давно-ли, ха, ха!

Память, старушка, ослабѣла, да! Долго зажилаясь, пора-бы старымъ костямъ на покой.

— У, у, безстыдникъ!—перебила Матвѣевна, грозя спицами и добродушно улыбаясь, — тебѣ слово, а ты десять. Ишь, шалку-то какъ надвинулъ!

Яковъ Петровичъ, смѣясь, отстранился отъ ея угрозы. Смѣялся и Петръ Ивановичъ, довольный всего болѣе тѣмъ, что уломалъ сына ѣхать къ больному дядѣ. Матвѣевна заперла за ними двери на крючокъ и, работая спицами своего вязанья, побрела на кухню; но та добродушная улыбка, съ какою она провожала Лачужниковыхъ изъ дому, вдругъ исчезла съ ея морщинистаго лица, и глаза заискрились гнѣвомъ.

— Тыфу ты, пропасть какая, съ досадою заворчала она, — вѣдь опять забыла спросить объ ужинѣ: за окномъ ни колбасы, ни ветчины. Ахъ ты, память, память старая!

II.

— Не нанять-ли намъ двухъ извозчиковъ?—предложилъ Петръ Ивановичъ, когда они вышли за ворота.

— Какъ хотите! Полагаю, что и потѣсниться можно, къ чему барствовать?

— На одномъ, такъ на одномъ. Въ такомъ случаѣ, ты держись за меня: я-то грузенъ и не легко вылажусь, развѣ вмѣстѣ съ санями... Эй ты, возница.

— Баринъ! баринъ! вотъ на порядочной!

— Ну, ладно. Все равно,—довезетъ и эта.

Кой-какъ они уѣхали въ извозничьи санишки. Яковъ Петровичъ заложилъ правую руку за толстую спину отца и всю дорогу придерживался за сани, въ особенности при поворотахъ въ другія улицы. Шелъ мелкій снѣгъ. Петръ Ивановичъ старался спрятать отъ него лицо въ воротникъ шубы и пыхтѣлъ, вызывая веселыя замѣчанія сына.

— Карету-бы наняли родитель; что скупитесь?

— Выдумывай вздоръ-то!

— Пичуть. Развѣ мы хуже другихъ, — дяди, на примѣръ?

— Думаю, что такъ, — досадливо замѣтилъ Петръ Ивановичъ и спряталъ лицо въ воротникъ шубы.

— Чѣмъ-же это мы хуже. Тѣмъ развѣ, что тамъ кареты, лакеи, комнаты-чертоги, а у насъ съ вами одна Матвѣевна?

— Мели больше.

— А развѣ неправда? Вы и сами не разъ изволили высказывать сожалѣніе насчетъ того, что судьба такъ несправедлива: кому мать, кому мачиха.

— Такъ что-жъ изъ этого? Развѣ я по отношенію къ самому себѣ говорилъ? Развѣ я лично на свою судьбу жаловался или завидовалъ богатству брата?

— Да ужъ тамъ, какъ ни оправдывайтесь, а говорили не разъ насчетъ того, что богатства дядюшки послѣ его смерти въ дурныя руки достанутся.

— Да, да! Именно! И теперь это же говорю. Вотъ посмотри, умретъ братъ, и все его богатство пойдетъ прахомъ: въ полгода все спустятъ.

— А, можетъ быть, вы ошибаетесь.

— Ну лоть! Еще спорить нужно, развѣ ты самъ не знаешь, кто послѣ брата наслѣдники, каковы они.

— Я не объ этомъ, — смѣясь, замѣтилъ сынъ, — я только спору насчетъ срока, т.-е., о томъ, что, можетъ быть, имъ не на полгода хватитъ наслѣдства, а мѣсяцевъ на семь.

— Смѣйся! Молодъ еще. Вотъ погоди, когда сѣднкой тебя тронетъ, да полосы повылѣзутъ, тогда будешь поумнѣе.

— Ну, едва-ли, родитель; въ этомъ отношеніи я ужъ видно дуракомъ останусь...

— Жаль.

— Что дѣлать!.. По моему такъ: чѣмъ они скорѣе разорятся, тѣмъ лучше. Туда имъ и дорога.

— За что же такъ-то?

— Да недобромъ нажитое пусть недобромъ и идетъ.

— Это съ чего ты выдумалъ? — поспѣшно возразилъ

Петръ Ивановичъ.—Развѣ твой дядя не честнымъ путемъ приобрѣлъ свое богатство? Какъ ты смѣешь о немъ такъ отзываться? Укралъ онъ что-ли гдѣ, или на службѣ сколотилъ мошенничествомъ? Ты, братъ Яковъ, не заговаривайся, вотъ что!.. Поѣзжай что-ли ты, рохля! — сердито крикнулъ онъ на извозчика и отвернулся отъ сына.

— Напрасно изволите кипятиться. Никто вашего брата въ воровствѣ и мошенничествѣ не обвиняетъ, — заговорилъ сынъ, — однако-же и одобренія избранный имъ путь тоже не заслуживаетъ; вы, напримѣръ, не избрали такой дороги, по которой пошелъ онъ.

— Я ему не указъ, и онъ мнѣ тоже, — хмуро отвѣтилъ отецъ...

— Не въ указкѣ дѣло. Вы вотъ, когда сажались въ свой ученый уголъ, небось, не высчитывали, чрезъ сколько лѣтъ и сколько тысячъ за это получите.

— Глупъ былъ, вотъ въ родѣ тебя, потому и не высчитывалъ.

— А потомъ поумнѣли?

— Потомъ поумнѣлъ.

— Когда же это вы поумнѣли? Не тогда-ли, когда вашъ братецъ сдѣлался предсѣдателемъ въ пяти обществахъ и сталъ получать въ каждомъ по шести тысячъ годового жалованья.

— Да, вотъ тогда и поумнѣлъ, — сердито перебилъ Петръ Ивановичъ, — тогда и понялъ, что ни тебѣ, ни мнѣ до него не дорасти.

— Ишь-ты! — съ усмѣшкой замѣтилъ Яковъ Петровичъ.

— Да, вотъ ухмыляйся себѣ подъ носъ, а все-таки онъ не намъ чета!

— Ну, конечно, куда намъ за нимъ! Однако вы тогда не пошли къ нему на поклонъ, когда онъ по сорока тысячъ сталъ въ годъ заграбастывать. Вы не промѣняли своей доли на другую, съ окладомъ эдакъ тышченокъ въ пять, шесть. Вѣдь можно было: братецъ помогъ-бы.